

УДК 94(47)"1917/1991"

DOI 10.25688/2076-9105.2020.39.3.04

М. А. Бравина

«В коммуне остановка», или Коллективизация быта горожан-провинциалов в условиях революции и Гражданской войны

В статье раскрываются особенности организации городского быта в период революции и Гражданской войны и влияние на этот процесс партии большевиков, целью которой было воспитание новых людей. Автором раскрываются два направления коллективизации быта горожан-провинциалов: создание коммунальных квартир и попытки строительства домов-коммун. Рецидивы общинного сознания и усиление крестьянского компонента в городах способствовали утверждению новых форм быта.

Ключевые слова: провинциальный город; революция; Гражданская война; коллективизация быта; повседневная жизнь; общинное сознание; политика партии большевиков.

Модернизационные процессы в России в целом проходили с серьезным отставанием от аналогичных процессов в странах Западной Европы, и так же, как и в Европе, численность городского населения росла за счет притока крестьян. Но отличие этих процессов было связано не только с запаздывающим характером модернизации в целом, но и с тем, что сельские жители, приходя в города, привносили в городскую жизнь общинные привычки, сохраняя прежний образ жизни. Не город цивилизовывал деревню, а деревня упорно придавала городам, особенно провинциальным, еще более патриархальный облик. Урбанизация в России лишь набирала обороты. А. Г. Вишневский очень точно охарактеризовал такие процессы, назвав их «одеревенчиванием городов», в рамках которого в город проникали и утверждались крестьянская психология и крестьянские отношения [6: с. 85, 104]. Еще одним существенным отличием процесса урбанизации в России стал исторически сложившийся характер русского города. Если европейский город изначально представлял собой укрепленное сооружение, все жители которого проживали внутри городской стены, то структура российского города была принципиально иной: небольшое укрепление в центре и широко раскинувшийся посад. Выражение «Москва — большая деревня» имело буквальное значение, причем Москву можно вполне заменить на любой другой город. Кроме Петербурга — первого регулярного города, воспринимавшегося как нечто чужеродное. Так или иначе, нарастающая индустриализация, а для Москвы

еще и последствия пожара 1812 года, все больше придавали городам России современный облик. Но даже в этих условиях процесс урбанизации в России шел гораздо медленнее, нежели в Европе. Тип «догоняющей модернизации» привел к тому, что в России к началу XX века было лишь два города-миллионника — Москва и Санкт-Петербург, кроме того, это были развитые индустриальные центры. И дело было не только в наличии крупной промышленности, но и в приближении организации быта людей, там проживающих, к городскому типу. Мы вполне можем говорить об усиливающейся индивидуализации быта.

В целом же на территории Российской империи преобладали города, имевшие ярко выраженный патриархальный характер. Значительное большинство горожан проживало в домах усадебного типа, вели подсобное хозяйство. В самом центре таких городов по утрам кричали петухи, из-за заборов раздавалось бляение коз, гогот гусей. Огороды около дома снабжали таких «горожан» всем необходимым. Ритм городской жизни зависел не от потребностей индустриального центра, но ориентировался на природные циклы. После захода солнца городская жизнь замирала, вновь, как в деревне, пробуждаясь с рассветом. Такая патриархальность быта предопределила слабое развитие всех городских структур, коммуникаций, обеспечивающих повседневную жизнь горожан. Большинство просто не испытывало в этом потребности, привыкнув к деревенским «удобствам». Даже растущая промышленность не меняла радикальным образом положение вещей [1: с. 21].

Симбирск в этом плане очень показателен. Являясь губернским центром, он так и не стал центром индустриальным. Это произошло в силу разных причин, анализ которых в рамках данной статьи вряд ли уместен. Симбирск, если можно так выразиться, был классическим патриархальным городом, в котором подавляющее большинство населения проживало в собственных или арендуемых домах-усадебках. Первые доходные дома, очень небольшие по размерам, появились лишь в начале XX века. Состояние городской инфраструктуры — водопровода, канализации, электрического освещения — находилось в зачаточном состоянии.

Первая мировая война, будучи глобальной по своему характеру, привела к масштабным социокультурным потрясениям в странах-участницах военных действий. Не касаясь политических изменений, радикальных безусловно (чего только стоят четыре рухнувших империи!), мы должны признать, что изменения в социальной структуре и общественном сознании оказались определяющими. Один из векторов этих изменений — возрождение архаических доиндустриальных форм организации социальной жизни, порождаемых крестьянской психологией и стремлением выжить. Только начавший складываться и укрепляться тонкий слой городской организации и культуры оказался под мощным разрушительным воздействием крестьянских, общинных форм человеческого бытия. Гражданская война имела глубокие социокультурные последствия: грандиозные потрясения привели к тому, что в российских городах, еще раз подчеркнем, не успевших стать действительно индустриальными, реанимируются патриархальные формы организации городской жизни. И в этих условиях возвращение к традиционным крестьянским нормам

социального бытия оказалось как закономерным, так и неизбежным [10: с. 292]. Эти процессы происходили на фоне экономического коллапса, полной деградации промышленного производства. Даже в крупных городах промышленные предприятия или закрывались вовсе, или превращались в небольшие ремесленные артели. В провинции же этот процесс приобрел и вовсе необратимый характер. Отсюда и стремительная трансформация городской провинциальной жизни и превращение ее в некий аналог сельских общин с их устоявшимся за века духом коллективного труда и взаимопомощи [12: с. 464]. Анализируя воздействие Гражданской войны и военного коммунизма на городскую жизнь, мы видим фактический исход горожан из крупных индустриальных центров в небольшие патриархальные города, где выжить было гораздо проще.

Новая власть, опирающаяся на пролетариат, осознавала угрозу складывающейся ситуации и по мере сил и возможностей пыталась на нее реагировать. Более того, оказавшись в ситуации государственного строительства на принципиально новой идеологической основе, партийные лидеры пытались сформулировать теоретическое обоснование этого процесса. Наблюдая за весьма тревожными явлениями «растворения» рабочего класса в крестьянской среде, Л. Д. Троцкий, на тот момент один из безусловных вождей партии, говорил о необходимости «собрать расстроенные ряды квалифицированных и обученных рабочих путем систематического извлечения их... из армии, из продотрядов, из тыловых советских учреждений, в том числе из совхозов и коммун, из кустарного промысла, из деревни, и в первую очередь, из рядов спекуляции» [14: с. 111]. При таких обстоятельствах потрясения революции и Гражданской войны, приведшие к распространившейся коммунизации, коллективизации быта горожан-провинциалов, оказались более чем закономерными.

Но, говоря об исторической традиции организации социальной жизни, нельзя отрицать и идеологической составляющей деятельности новой власти, направленной на усиление коллективного характера социальных взаимодействий. Коммунистические принципы оказались столь популярны в российском обществе, поскольку они вполне укладывались в общинную матрицу национального самосознания. И именно поэтому отрывок из знаменитой песни тех лет, вынесенный в качестве заголовка, на наш взгляд, очень точно отражает состояние общественных представлений эпохи: от крестьянской общины, построенной на сельской, артельной, коллективистской психологии российского крестьянства, — к светлому коммунистическому будущему, конечной цели революционной борьбы. Большевики хорошо знали результаты научных изысканий народнических авторов, которые, начиная с Герцена, глубоко исследовали общинный характер крестьянской ментальности. Ставя и решая задачи формирования государства диктатуры пролетариата в преимущественно крестьянской стране, В. И. Ленин и иже с ним использовали эти особенности коллективного сознания для реализации конечной цели коммунистического строительства. Кроме того, именно опора на коллективистские социокультурные установки способствовали победе Красной Армии в Гражданской войне [12: с. 492].

На практике это выражалось в настойчивых попытках организации коллективных форм повседневной жизни городских рабочих. Это, кстати, весьма интересный аспект деятельности местных органов власти. С одной стороны, вне зависимости от пафоса революционной борьбы и построения первого в мире государства рабочих и крестьян, гор- и губисполкомам приходилось решать бесконечное множество вопросов организации повседневной жизни горожан. С учетом предшествующих лет войны и глубокого кризиса, в котором находились все системы жизнеобеспечения, это была титаническая работа. Но при этом «прекрасное далёко», коммунистическое будущее страны, казалось, вот-вот настанет. И его надо строить сейчас! Отсюда множество различных форм организации коллективного быта, как спускаемых сверху, так и порождаемых революционной инициативой масс. В условиях военного коммунизма начинают появляться различные формы организации коллективного быта: с одной стороны, они были воплощением самой коммунистической идеологии, с другой — являлись неизбежной в условиях голода формой коллективного выживания [3: с. 260]. Партия придавала огромное значение этому направлению работы, никогда, даже в самые критические моменты борьбы с контрреволюцией, не забывая о воплощении коммунистических принципов в жизнь. «Коллективная психология зарождается на крупном заводе и все более вытесняет психологию индивидуальную. Буржуазный строй пытается путем школы и воспитания вытравить эту коллективную психологию, которую жизнь создает у рабочего. Но, несомненно, у взрослого рабочего коллективный подход побеждает индивидуальный» [11: с. 306]. Современные российские исследователи неоднократно обращали внимание, что в условиях Гражданской войны резко возрастает роль предприятия в организации повседневной жизни горожан. Главным из таких рычагов воздействия становились, конечно же, карточки на продукты, дрова, одежду, обувь и т. д. «Гражданская война, реалии военного коммунизма вносили существенные коррективы в структуру повседневности. Границы домашней и производственной жизни стали гораздо более размытыми, чем в мирное время. Получение продуктов, жилья, одежды, дров, носильных вещей и трамвайных талонов для рабочего теперь напрямую было связано с заводом или фабрикой. От предприятия стало зависеть воспитание детей, проведение досуга и личные перспективы в другой, внешней жизни, за пределами заводской проходной» [15: с. 196]. Коллективизация быта рабочих была закономерным этапом формирования единого социального пространства, необходимого для строительства общественной и государственной организации будущего. Таким образом, появление общественных столовых, детских садов, обобществление повседневной жизни в целом было логическим завершением процесса распространения коллективных форм труда на промышленных предприятиях и шагом к построению социалистического общества [2: с. 55].

Придя к власти, большевики неизбежно оказались перед необходимостью скорейшего решения самых насущных социальных вопросов, одним из которых стал жилищный. Стихийно этот процесс начался уже в первые послереволюционные дни и, упорядочиваясь и обретая системность, нарастал с каждым годом.

Провозгласив лозунг «Мир хижинам, война дворцам!», партия начала в столицах и на местах переселение рабочих с окраин в квартиры свергнутых сословий, «уплотняя» эти самые сословия. Программа РКП (б), принятая в 1919 году, ставила вполне конкретные цели в деле обеспечения городских пролетариев жильем: «Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.» [9: с. 442]. Весной 1918 года Симбирский городской совет постановил: «2. Вся обстановка в квартирах берется на учет и предоставляется нуждающимся. 3. Каждый горожанин имеет право на 12 кв. м. Жители подвалов, чердаков, сырых, холодных и вообще негигиеничных и переполненных квартир удовлетворяются жильем в первую очередь за счет уплотнения особняков, барских и казенных квартир» [7], отменив тем самым частную собственность на жилище.

Фактически мы имеем дело с двумя основными формами коллективизации быта. Первая проявилась в создании коммунальных квартир, возникавших в результате так называемого уплотнения. Но эта форма носила, как казалось, исключительно временный характер. В перспективе же речь шла о создании домов-коммун, направленных на организацию нового, социалистического быта. Симбирские городские власти даже в условиях Гражданской войны выступили с предложением о создании домов-коммун по примеру фаланстеров Оуэна, демонстрируя, кстати, неплохой уровень теоретических представлений о предпосылках появления марксизма. В условиях расширяющейся Гражданской войны предполагалось тем не менее выделить место и средства для начала работ [5].

К этому времени переселение городской бедноты шло полным ходом. Положение дел осложнялось острой нехваткой жилищного фонда в городе (ГАНИ УО¹. Ф. 13. Оп. 1) и низким уровнем пролетарской сознательности новых жильцов барских квартир, что было вполне закономерно, так как никакие идеологические установки не могут быстро поменять устойчивые социокультурные стереотипы. Совершенно типичным и оттого еще более шокирующим являлся конфликт между жильцами коммунального дома № 38 по улице Радищева, бывш. Мартынова (ГАНИ УО. Оп. 1. Д. 73). Вываливание мусора под двери соседей, отказ от уборки мест общего пользования, раздоры и рукоприкладство в условиях потрясающей воображение скученности — вот те нравы, которые царили в симбирских домах [2: с. 48]. Примечательно отношение новых жильцов к своему жилищу: полное социальное иждивенчество и безудержное превознесение руководящей роли гегемона революции, пропаганда революционного аскетизма и отсутствие средств даже для текущего ремонта формировали равнодушие и пренебрежение к состоянию жилья.

Но далеко не все рабочие так уж стремились въезжать в дома буржуазии, и это можно объяснить. Так, например, в бывших доходных домах, а именно

¹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

они и стали главным объектом жилищной политики большевиков, отсутствовали печи, в домах было центральное отопление. В ситуации полного отсутствия каких-либо коммунальных услуг отопление таких квартир превращалось в серьезнейшую проблему. Усугубляли ее высокие потолки, большие размеры окон, «съедавшие» температуру в доме. И тем не менее и центральная, и местные власти особо не церемонились в данном случае. С чем же было связано столь массовое переселение? Конечно, с гораздо более широкими возможностями для ведения коммунистической пропаганды. «Рабочая аудитория с неослабевающим вниманием слушала, что при социализме в каждом новом доме будет своя столовая, своя прачечная, свой детский сад, что приведет к полному освобождению женщины от тягот быта и обеспечит ее духовный рост» [8: с. 210].

Поиск новых форм коллективного бытия шел весьма активно, и в значительной степени за счет создания рабочих общежитий. Действительно, здесь можно было буквально с нуля создавать новые бытовые отношения, закладывать основы формирования нового советского человека. Но на практике такие общежития превратились в рассадники разврата и антисанитарии. Думается, что ситуация в провинциальном Симбирске вполне могла иметь место в любом провинциальном городе Советской России, где шло строительство нового, социалистического быта. Журналист-большевик М. Полянский писал об одном из городских общежитий: «Оно ничем не отличается от постоянных дворов. Служит сборищем массы проституток, хотя там есть мужские и женские отделения. Но обитатели сего дома такого разделения не понимают» (цит. по: [2]). Основным местом проживания стали постройки барачного типа, где процветали самые грубые нравы. Парадоксально, но именно в таких уплотненных квартирах и в общежитиях происходило формирование нового человека, Homo soveticus, закладывались основы нового коммунистического быта [6: с. 174].

Своеобразным актом причащения к коммунистическим началам стала организация в Симбирске общественных столовых, где можно было использовать карточки. Совместный прием пищи проходил по особому ритуалу, предшествовало которому исполнение «Интернационала», своеобразная реинкарнация предобеденной молитвы. Конечно, на практике это реализовывалось далеко не всегда, но сам факт примечателен. Коллективная трапеза несет в себе и начала единения, равенства и, безусловно, доверия. Человек, принимающий пищу изолированно от общества, вызывает подозрения. Уместно вспомнить эпизод повести «Собачье сердце», где домком во главе со Швондером предлагает профессору Преображенскому принимать пищу в спальне. Категорический отказ профессора уплотниться и перемещаться с тарелками в спальню вызывает серьезное обвинение в нелюбви к пролетариату и возможности ареста [4: с. 197].

Резюмируя сказанное, можно оценить появление элементов коллективизации быта как отражение целенаправленной политики большевиков. С одной стороны, это безусловная попытка воплощения идей нового общества, с другой — обращение к вековым традициям народа, сломать которые было практически невозможно.

Литература

1. Беляева Е. А. Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны: 1917–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Брян. гос. пед. ун-т им. И. Г. Петровского. Брянск, 2005. 24 с.
2. Бравина М. А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны: 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2008. 226 с.
3. Бравина М. А. Коммунизация быта симбирян в условиях социокультурной катастрофы времен Революции и Гражданской войны // Россия и мир: история, политика, культура: сб. науч. трудов / Федеральное агентство по образованию; Ульяновский гос. технический ун-т; [общ. ред. С. В. Осипова, Т. В. Петуховой]. Ульяновск: УлГТУ, 2007. С. 259–268.
4. Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: Эксмо, 2018. 288 с.
5. Варейкис И. М. Жилищный кризис // Заря. 1919. 4 ноября.
6. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
7. Постановление «О социализации жилищ» // Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 14 марта.
8. Ларина (Бухарина) А. М. Незабываемое. М.: АПН, 1989. 368 с.
9. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Политиздат, 1969. С. 417–466.
10. Липатова Н. В. Трансформация традиционного мировоззрения в условиях Первой мировой войны и Февральской революции (по материалам Поволжья) // Русское крестьянство и Первая мировая война: [сб. науч. статей] / [сост.: П. П. Марченя, С. Ю. Разин]. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. (Научный проект «Народ и власть»; вып. 5). С. 284–294.
11. Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / [сост. и авт. примеч. М. А. Макаревич]. М.: Политиздат, 1989. 511 с.
12. Семенов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны: 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2005. 564 с.
13. Точеный Д. С., Точеная Н. Г. Мир хижинам! Война дворцам! // Симбирский курьер. 1992. 30 июля.
14. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
15. Тяжельникова В. С. Повседневная жизнь Московских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке: люди, идеи, власть / [отв. ред. А. К. Соколов, В. М. Козьменко]. М.: РОССПЭН, 2002. (Серия «Социальная история России XX века» / Ин-т российской истории РАН [и др.]). С. 194–218.

Literatura

1. Belyaeva E. A. Material'noe polozhenie gorodskix zhitelej v gody` revolyucii i grazhdanskoj vojny`: 1917–1921 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / Bryansk gos. ped. un-t im. I. G. Petrovskogo. Bryansk, 2005. 24 s.
2. Bravina M. A. Povsednevnyaya zhizn` Simbirskaya v usloviyax revolyucii i grazhdanskoj vojny`: 1917–1922 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / Chuvash. gos. un-t im. I. N. Ul'yanova. Cheboksary`, 2008. 226 s.

3. Bravina M. A. Kommuniizatsiya by`ta simbiryan v usloviyax sociokul`turnoj katastrofy` vremen Revolyucii i Grazhdanskoj vojny` // Rossiya i mir: istoriya, politika, kul`tura: sb. nauch. trudov / Federal'noe agentstvo po obrazovaniiyu; Ul'yanovskij gos. texnicheskij un-t; [obshh. red. S. V. Osipova, T. V. Petuxovoj]. Ul'yanovsk: UIGTU, 2007. S. 259–268.
4. Bulgakov M. A. Sobach'e serdce. M.: E`ksmo, 2018. 288 s.
5. Varejkis I. M. Zhilishhny`j krizis // Zarya. 1919. 4 noyabrya.
6. Vishnevskij A. G. Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR. M.: OGI, 1998. 432 s.
7. Postanovlenie «O socializatsii zhilishh» // Izvestiya Simbirskogo Soveta krest'yanskix, rabochix i soldatskix deputatov. 1918. 14 marta.
8. Larina (Buxarina) A. M. Nezaby`vaemoe. M.: APN, 1989. 368 s.
9. Programma Rossijskoj Kommunisticheskoj partii (bol'shevikov) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 38. M.: Politizdat, 1969. S. 417–466.
10. Lipatova N. V. Transformatsiya tradicionnogo mirovozzreniya v usloviyax Pervoj mirovoj vojny` i Fevral'skoj revolyucii (po materialam Povolzh'ya) // Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya vojna: [sb. nauch. statej] / [sost.: P. P. Marchenya, S. Yu. Razin]. M.: Izd-vo Ippolitova, 2016. (Nauchny`j proekt «Narod i vlast'»; vy`p. 5). S. 284–294.
11. Partijnaya e`tika: Dokumenty` i materialy` diskussii 20-x godov / [sost. i avt. primech. M. A. Makarevich]. M.: Politizdat, 1989. 511 s.
12. Semenov A. A. Povsednevnyaya zhizn` naseleniya Rossii v gody` Grazhdanskoj vojny`: 1917–1920 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2005. 564 s.
13. Tocheny`j D. S., Tochenaya N. G. Mir xizhinam! Vojna dvorczam! // Simbirskij kur'er. 1992. 30 iyulya.
14. Troczkij L. D. K istorii ruskoj revolyucii. M.: Politizdat, 1990. 447 s.
15. Tyazhel'nikova V. S. Povsednevnyaya zhizn` Moskovskix rabochix v nachale 1920-x godov // Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast' / [otv. red. A. K. Sokolov, V. M. Koz'menko]. M.: ROSSPE`N, 2002. (Seriya «Social'naya istoriya Rossii XX veka» / In-t rossijskoj istorii RAN [i dr.]). S. 194–218.

M. A. Bravina

«In the Commune Stop», or Collectivization of the Life of Provincial Citizens in the Conditions of the Revolution and Civil War

The article reveals the features of the organization of urban life during the Revolution and Civil war and the influence of the Bolshevik party on this process, whose goal was to educate new people. The author reveals two directions of communization of the life of provincial citizens: the creation of communal apartments and attempts to build commune houses. Relapses of communal consciousness and the strengthening of the peasant component in the cities contributed to the establishment of new forms of new forms of life.

Keywords: collectivization of everyday life; everyday life of a provincial city; community consciousness; politics of the Bolshevik party.